

УДК 159.923–053.81

**Джанерьян С.Т.,
Гвоздева Д.И.,
Габдулина Л.И.**

СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ЛИЧНОСТИ ТЕРРОРИСТА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ГОРОДСКОЙ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

Ключевые слова: психологическая модель личности типичного террориста, типы личности типичного террориста, старшеклассники, учащиеся техникумов.

В психологической литературе по проблемам терроризма акцент ставится на построении психологических моделей личности террориста по различным критериям: характер убеждений, агрессивность, особенности психо- или социопатологического развития, самооценка [1], акцентуированность, «заточенность» на определенное ролевое поведение [2], степень выраженности эмоций и специфические синдромы: зомби, Рембо, камикадзе [3] и т.п.

Различные модели личности террориста выполняют познавательную, информационную, пропедевтическую функции, способствуя в конечном итоге воспитанию антиэкстремистских и антитеррористических убеждений. Вместе с тем они подвергаются критическому анализу из-за их построения на основе журналистски интерпретированных примеров, противоречивости, игнорирования уникальности теракта и т.п., что порождает сомнения в практической ценности этих моделей. Неочевидность для исследователя теракта уживается с исследовательской традицией осмысления жизненной истории и личности террориста. Стремление психологов к недопущению фундаментальной ошибки атрибуции сосуществует с тенденцией установления личностных особенностей террориста на основе его ситуативного поведения.

Дифференциация мотивов поведения террориста на эгоцентрические и социально-экономические подкрепляется преимущественным акцентированием мотивов первого рода. Очевидно, что для молодых людей – части глобального информационного общества, активно интересующейся социально-экономическими, политическими, психологическими проблемами, – указанные модели вместе с их противоречиями не могут остаться в стороне.

В то же время широко представленные в Интернете и СМИ описания терактов, психологическая интерпретация их причин и последствий [4] могут стать источниками формирования круга косвенных жертв теракта [5] и специфических героев нашего времени в «массмедийном сознании» [6]. В связи с этим изучение содержания психологических моделей личности террориста, конструируемых молодежью, не теряет своей актуальности.

Понятие «модель» используется в психологических работах прежде всего для описания личности профессионалов и их деятельности [7]. Анализ этих работ приводит к выводам: модель выступает в качестве нормы или эталона для ее практического использования либо дальнейшего изучения моделируемого феномена; она содержит основные, наиболее важные и взаимосвязанные характеристики оригинала; она всегда имеет некое расхождение, несовпадение с оригиналом: модели различаются по содержанию и методам их получения, а к последним зачастую относят экспертный опрос; в схему описания модели включены объект описания, способ получения и форма описания данных об объекте. В изучаемой нами модели личности террориста объектом выступают психологические особенности личности воображаемого, представляемого (типичного) или реального террориста, презентируемые субъектами в описательной форме на основе полученной ими информации из СМИ, Интернета, рассказов очевидцев, личного опыта в качестве жертвы теракта. Респонденты настоящего исследования, не имея подобного непосредственного личного опыта, исходили из информации, полученной из СМИ и Интернета. Под психологической моделью личности террориста будем понимать вербальную презента-

цию субъектами психологических особенностей личности воображаемого, представляемого типичного террориста (прототип) на основе полученной ими информации из СМИ, Интернета, рассказов очевидцев.

Цель исследования, в котором приняли участие 168 человек (80 школьников – учащихся 11-х классов Ростова-на-Дону, 88 учащихся техникумов Ростова-на-Дону и Таганрога), состояла в изучении содержания и структуры психологических моделей личности типичного террориста у городской учащейся молодежи.

Методами исследования выступили: опрос (анкета С.Т. Джанерьян и Д.И. Гвоздевой), позволяющий оценить демографические и индивидуально-психологические особенности личности типичного террориста; тестирование (методика «Уровень соотношения “ценности” и “доступности” в различных жизненных сферах» (Е.Б. Фанталова [8]), список мотивов-ценностей (А. Маслоу), шкала дифференциальных эмоций [9]), методика «Личностный дифференциал» (ЛД); оценка выраженности личностных черт с помощью теста 16Pf Р. Кеттелла; контент-анализ открытых вопросов анкеты; статистические методы (факторный анализ методом главных компонент, критерии Шапиро–Уилка, коэффициент ранговой корреляции Спирмена, квартилирование, биномиальное распределение).

Для эмпирического описания психологических особенностей личности террориста использовалась модель единства общего психического облика человека и личности [10], а также представления об изменчивом и устойчивом в личности [11]. Психический облик личности террориста изучался по оценкам особенностей устойчивых или ситуативных конкретных проявлений его направленности (личностные

терминальные ценности, жизненные мотивы, фундаментальные эмоции) и характера (личностные черты). Значимые терминальные ценности, жизненные мотивы и личностные черты составили устойчивое, а эмоциональные переживания и доступные ценности – ситуативное в направленности и характере личности.

Для определения структурированности психологической модели личности террориста был предложен критерий, согласно которому модель считалась высокоструктурированной, если оценка устойчивого или ситуативного ведущего конкретного проявления личности прототипа была одновременно связана с оценками его иных устойчивых и ситуативных конкретных проявлений. Наличие взаимосвязи между оценкой ведущего устойчивого или ситуативного конкретного проявления личности прототипа и оценками хотя бы одного устойчивого и одного ситуативного иного конкретного проявления расценивалось как эмпирический показатель частичной структурированности модели; не установленная связь между указанными оценками расценивалась как эмпирический показатель дезинтеграции соответствующей модели. Остальные виды взаимосвязей были отнесены к показателю низкой структурированности модели.

В соответствии с типологией личностей по доминированию ценностей [12] к ценностям адаптации были отнесены ценности «материально обеспеченная жизнь», «здоровье», к ценностям социализации – «интересная работа», «счастливая семейная жизнь», «друзья», «любовь», к ценностям индивидуализации – «активная деятельная жизнь», «свобода», «уверенность», «познание», «творчество».

Анкета, нацеленная на изучение психологической модели личности

типичного террориста, содержала разделы: социально-демографические сведения о типичном террористе; его направленность; личностные черты (список факторов по тесту Р. Кеттелла и личностные факторы по тесту ЛД), эмоции в ситуации теракта; внешние и внутренние причины совершения теракта; меры для предотвращения терроризма (открытый вопрос анкеты).

В результате контент-анализа ответов респондентов были выделены категории, отражающие решающие для предотвращения терроризма меры: демократическая государственная политика (борьба с коррупцией, социально-экономические преобразования, соблюдение прав и свобод человека, предотвращение межнациональных, религиозных и других конфликтов, антитеррористическая пропаганда и пропаганда здорового образа жизни и т.п.); бдительность граждан (знания БЖД, информированность, внимательность, концентрированность, самообладание, подготовленность граждан); запреты (ограничение въезда в страну, «Россия для русских», «Сталина на них нет», «вывод отдельных субъектов федерации из состава РФ»); психологическая помощь гражданам (психологическая помощь гражданам в решении психологических проблем); насилие (введение смертной казни, «валить этих гадов»); профессионализм спецслужб (усиление контроля и охраны объектов, активные действия полиции, добросовестность и честность спецслужб и т.д.). Особую категорию составило отсутствие мнения у респондентов по обсуждаемому вопросу.

В результате факторного анализа показателей, обозначающих, по оценкам респондентов, психологические особенности личности террориста, было получено 7-факторное решение,

объясняющее 63,82% дисперсии. Последующий анализ ведущих личностных особенностей террористов, получивших в каждом из факторов высокие веса ($> 0,5$) по оценкам респондентов, и взаимосвязи этих оценок с оценками иных личностных особенностей террориста позволил обозначить типы психологических моделей личности террориста. При установлении типов моделей мы опирались на признаки общепсихологических типологий любых явлений, которые должны базироваться на учете: 1) системы существенных признаков, свойственной определенной группе людей; 2) многих (а не одного) оснований; 3) принципа анализа личности через ее способ ее жизни; 4) использования типологии не столько для диагноза, сколько для прогноза [13]. Эмпирическим критерием установления типов моделей выступала оценка респондентами содержания ведущей психологической особенности (устойчивой или ситуативной) личности типичного террориста, взаимосвязанная с оценками респондентами иных психологических особенностей его личности.

В представлении практически всех респондентов типичный террорист – мужчина в возрасте от 20 до 44 лет, не женатый, выходец с Кавказа, приверженец ислама, имеющий неполное или среднее специальное образование, скорее не работающий, физически здоровый, психически не здоровый. По сравнению с портретом террориста – молодого человека в возрасте 15–25 лет, данным М. Решетниковым [14], типичный террорист «повзрослел». В более раннем исследовании [15] представляемый студентами внешний облик террориста – «борода», «калаш», «нерусский», «невысокий рост» – напоминал то, что В. Леви назвал «гремучей смесью ша-

миля басаева и бориса абрамовича» [16]. Судя по результатам настоящего исследования, стереотип террориста уже представляет достаточно однородную «смесь».

Опишем эмпирически выделенные психологические модели личности террориста. В модели 1-го типа наиболее высокие факторные нагрузки обнаружили значимые ценности (активная жизнь, здоровье, интересная работа, любовь, наличие хороших и верных друзей, познание, счастливая семейная жизнь, творчество).

Личность террориста раскрывается учащимися техникумов через доминирование значимой ценности социализации «интересная работа», сопряженной с высокими оценками доступной ценности «уверенность», жизненных мотивов безопасности и признания, личностных факторов Е, С, эмоций радости и вины и с низкими оценками личностного фактора I. Приписывание прототипу в ситуации теракта одновременного наличия радости и вины может быть следствием некоторого обмана, который ощущается оцениваемым прототипом, а возникающая в этом случае вина смягчается, «успокаивается» радостью [17]. Иными словами, учащиеся техникума «видят» типичного террориста как высокоориентированного на достижение определенного социального статуса, доминантного, эмоционально устойчивого, малочувствительного, уверенно действующего, испытывающего в ситуации теракта самоосуждение, озабоченность совершаемым, компенсируемые самоудовлетворенностью.

По мнению же школьников, у типичного террориста доминирует значимая ценность социализации «дружья», сопряженная с высокими оценками доступных ценностей «дружья» и «уверенность в себе», личностного

фактора G и эмоций горя. Школьники представляют террориста как высоко ценящего дружбу, демонстрирующего уверенное поведение в кругу друзей и социальную нормативность, переживающего в ситуации теракта чувство отверженности. Модель была обозначена как модель аксиологически социализированной личности.

Мнения учащихся техникума о первоочередных мерах предотвращения терроризма разделились: часть из них затруднилась ответить, а другие к таким мерам отнесли демократическую политику государства; по мнению школьников, такой мерой выступает профессионализм спецслужб.

В модели 2-го типа высокие факторные нагрузки обнаружили доступные ценности типичного террориста (активная жизнь, здоровье, интересная работа, любовь, наличие друзей, познание, счастливая семейная жизнь, творчество). В представлении учащихся техникумов террорист в наибольшей степени легко находит друзей (наличие хороших друзей), а в представлении школьников – легко вступает в близкие отношения с людьми (любовь). Отсюда и название модели – излишне альтруистичной личности. Ведущая доступная ценность прототипа положительно коррелирует с личностной чертой М, эмоциями отвращения и презрения по оценкам учащихся техникума и с личностной чертой А по оценкам школьников.

Учащиеся техникума видят террориста как легко находящего друзей, поглощенного своими идеями, испытывающего отстраненность и превосходство над другими людьми в ситуации теракта. По мнению школьников, типичный террорист, легко вступающий в близкие отношения с людьми, характеризуется беспечностью и общительностью.

По мнению учащихся техникума, в качестве мер предотвращения терроризма выступают профессионализм спецслужб и бдительность граждан; школьники затруднились назвать конкретные меры.

В модели 3-го типа высокие факторные нагрузки имели оценки жизненных мотивов (физиологический комфорт, безопасность, принадлежность, достижение статуса, самореализация как воплощение индивидуальности). Однако, по мнению учащихся техникума, наиболее связан с различными психологическими особенностями личности террориста мотив принадлежности (прямая корреляция со значимыми ценностями «познание» и «счастливая семейная жизнь», личностными чертами I, Q1, эмоциями стыда и вины; обратная корреляция с чертами А и «активность»). По оценкам школьников, мотив безопасности наиболее взаимосвязан с особенностями оцениваемой личности (прямая корреляция с чертой М и эмоцией удивления, обратная корреляция с личностной чертой О). Отметим, что эмоции стыда и вины, различаясь по детерминантам и феноменологии, активизируют самосознание субъекта и его желание скрыть или представить собственное поведение в выгодном для себя свете, в то время как удивление, будучи проходящим, лишенным знака переживания, функционально подготавливает человека к внезапным изменениям в окружении [18]. Данный тип модели был обозначен как модель дефицитарных мотивов личности.

В представлении учащихся техникумов типичный террорист, желающий дружеских отношений, принятия в семье, идеализирующий информированность и семейное счастье, характеризуется замкнутостью, обособленностью, интровертированностью, стремлением

быть информированным, представляет в ситуации теракта социальную оценку своего поступка наряду с самоосуждением и раскаянием. Школьники, оценивая террориста как стремящегося к безопасности, характеризуют его поглощенность своими идеями (моно-идея), самоуверенность, внутреннюю готовность в ситуации теракта к внезапным изменениям.

Респонденты единодушно относят бдительность граждан к решающим для предотвращения терроризма мерам, но школьники называют также насилие.

Модель 4-го типа отличается высокими факторными весами оценок ситуативно возникающих эмоций удивления, горя, стыда и вины. С учетом феноменологии и функций последних мы обозначили этот тип как модель эмоционального раскаяния и тотальной готовности к изменению ситуации. Здесь анализировались оценки личности прототипа, данные учащимися техникумов (из-за малочисленности школьников). Респонденты высоко оценивали в качестве характерной для типичного террориста в ситуации теракта эмоцию горя. Психологически функция горя заключается в побуждении человека предпринять определенные действия, направленные на устранение причины страдания или на изменение отношения к этой причине [19]. Оценки горя положительно коррелируют с оценками личностных черт прототипа «сила» и Q2, значимой ценности «уверенность», доступной ценности «познание», и отрицательно – с факторами «оценка» и Q1.

Типичный террорист, готовящий себя в ситуации теракта к изменению ситуации, идеализируя уверенность в себе, обладая информированностью, характеризуется как самостоятельный, волевой, самокритичный, консерва-

тивный. Часть учащихся техникума затруднилась дать ответ на вопрос о мерах предотвращения терроризма, в то время как другая их часть назвала запреты.

В модели 5-го типа наибольшие факторные нагрузки приходятся на личностные черты В (интеллект), G (нормативность), I (чувствительность), N (дипломатичность). Из-за малочисленности выборки анализ личности террориста производился на основе оценок респондентов без учета специфики их образования.

Высокие оценки респондентами личностной черты N положительно коррелируют с оценками доступных для террориста ценностей «материально обеспеченная жизнь», «творчество», эмоции интереса и отрицательно – с оценками доступной ценности «любовь», мотива физиологического комфорта и эмоции страха. Практически все респонденты дали очень высокие оценки прототипу по фактору В. Данная модель была обозначена как модель интеллектуального террориста. Террорист описывается как проникательный, умный, материально обеспеченный и активный в жизни, не стремящийся к физиологическому комфорту и к близости с любимыми, в ситуации теракта не испытывает страха, выступая в роли заинтересованного наблюдателя. Мерой предотвращения терроризма, по мнению респондентов, выступает профессионализм спецслужб.

В модели 6-го типа высокие факторные нагрузки имели оценки эмоций гнева, отвращения, презрения, страха. Комплекс первых трех эмоций составляет аффективный компонент враждебности, а наличие страха свидетельствует о переживании незащищенности, неуверенности, недостаточной адаптации человека [20]. Данный тип модели был обозначен как модель

ситуативной эмоциональной враждебности, сдерживаемой страхом.

Учащиеся техникумов дали высокие оценки эмоциям отвращения, положительно связанные с оценками личностной черты А, значимой ценности «свобода», доступных ценностей «свобода» и «уверенность», мотивов физиологического комфорта, безопасности и индивидуальности, эмоции гнева и отрицательно связанные с личностной чертой G.

Иными словами, типичный террорист, враждебно настроенный в ситуации теракта, разделяет ценности индивидуализации, демонстрирует свободное и уверенное поведение в конкретных ситуациях, стремится к самореализации и удовлетворению дефицитарных (исключая потребности принадлежности и признания) потребностей, общительный и аморальный тип.

Школьники дали высокие оценки эмоциям страха, положительно взаимосвязанные с оценками значимых ценностей индивидуализации (активная жизнь, уверенность, свобода, творчество), социализации (любовь, друзья) и адаптации (материально обеспеченная жизнь), с личностными чертами Е, М, О, эмоциями презрения и страха. Согласно оценкам школьников, испытывающий в ситуации теракта враждебность и незащищенность террорист, идеализирующий главным образом ценности индивидуализации, отличается доминантностью, поглощенностью своими идеями, ранимостью.

По мнению школьников, в качестве главных мер предотвращения терроризма выступают профессионализм спецслужб и бдительность граждан, а по мнению учащихся техникума – демократическая политика государства и психологическая помощь гражданам.

В модели 7-го типа высокие факторные нагрузки имели оценки доступных

для типичного террориста ценностей «уверенность в себе» и «свобода», а также оценки «силы» (тест ЛД). В соответствии с этим данная модель личности террориста была обозначена как модель волевого террориста.

Оценки, данные учащимися техникумов ведущей доступной ценности «свобода», положительно связаны с оценками значимой ценности «свобода», мотивов физиологического комфорта, личностных черт А, М, Q1, Q2 и отрицательно – с чертой L. В представлении учащихся техникума идеализирующий свободу террорист, стремящийся к обеспечению физиологического комфорта, является общительным, доверчивым, самостоятельным, поглощенным идеей радикалистом.

По мнению школьников, ведущей у террориста личностной чертой является сила, а ее оценки положительно коррелировали с оценками значимой ценности индивидуализации «активная жизнь», доступной ценности «уверенность», мотивов самореализации, фактора «оценка», эмоции вины. Иначе: уверенный в себе, с высоким самоуважением, разделяющий ценности активной жизни террорист испытывает в ситуации теракта чувство вины.

Все респонденты выделяют значение радикальных мер и профессионализма спецслужб для предотвращения терроризма, а учащиеся техникумов – еще и психологическую помощь гражданам.

Анализируемые психологические модели различаются по содержанию и структурированности. Модели 1, 3, и 5-го типов отражают в первую очередь устойчивые проявления личности террориста; модели 2, 4 и 6-го типов – ситуативные проявления личности террориста; модель 7-го типа – устойчиво-ситуативные проявления личности. В соответствии с предложенными

нами эмпирическим критериями наиболее структурированными являются у учащихся техникума модели 1-го и 6-го типов, а у школьников – модель 7-го типа. Низкоструктурированными являются модели 7-го типа и модели 2-го и 6-го типов, конструируемые, соответственно, учащимися техникумов и школьниками.

Независимо от типа психологической модели личности террориста и специфики образования респондентов главными источниками информации о личности террориста оказались, как и следовало ожидать, телевидение и Интернет, что особенно характерно для учащихся техникумов. Школьники к источникам информации отнесли друзей, знакомых, собственные фантазии.

Таким образом, в исследовании эмпирически установлены по оценкам молодых людей психологические модели личности типичного террориста: аксиологически социализированной личности; излишне альтруистичной личности; ситуативного эмоционального раскаяния; интеллектуального террориста; ситуативной эмоциональной враждебности, сдерживаемой страхом; волевой личности террориста.

Содержание и структурированность каждого из типов моделей личности террориста различаются у учащихся техникумов и у школьников.

Библиография

1. Психологи о терроризме («круглый стол») // Психологический журнал. 1995. № 4. С. 37–48.
2. «Норд-Ост» – психологический портрет событий. Интервью В. Леви «Независимой газете». URL: <http://psyfactor.org/terror6.htm>.
3. Олшанский Д.В. Психология терроризма. СПб.: Питер, 2002.
4. Wilkinson, P., 1997. The Media and Terrorism: A Reassessment. Terrorism and Political Violence, 9 (2): 51–64; Crelinsten, R., 2005. Mass-mediated terrorism: The central role of the media in terrorism and counterterrorism. Political Communication, 22 (1): 115–118.
5. Быховец Ю.В. Представления о террористическом акте и переживание террористической угрозы жителями разных регионов РФ: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.
6. Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Мотивация террориста // Национальный психологический журнал. 2007. № 1 (2). С. 27–32.
7. Дружилов С.А. Концептуальная модель профессиональной деятельности как психологическая детерминанта профессионализма // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 29. С. 4; Платонов К.К. Структура и развитие личности. М.: Наука, 1986.
8. Фанталова Е.Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. Самара: БАХРАХ-М, 2001.
9. Изард К. Эмоции человека. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
10. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: в 2 т. М., 1989. Т. 2.
11. Чеснокова И.И. Проблема самосознания в психологии. М., 1977.
12. Яницкий М.С. Ценностное измерение массового сознания. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012.
13. Мясищев В.Н. Психология отношений: Избранные психологические труды. Москва; Воронеж, 1995.
14. Решетников М.М. наброски к психологическому портрету террориста // Психология и психопатология терроризма / под ред. М.М. Решетникова. СПб., 2004. С. 341.
15. Джанерьян С.Т., Гвоздева Д.И., Вилкова Л.М. Интерпретационные модели студенческой молодежи транслируемого СМИ образа террориста: устойчивое и изменчивое // Противодействие идеологии экстремизма и терроризма в рамках реализации государственной молодежной политики: материалы науч.-практ. конф. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009. С. 57–62.
16. «Норд-Ост» – психологический портрет событий...
17. Изард К. Указ. соч.
18. Изард К. Указ. соч.
19. Изард К. Указ. соч.
20. Изард К. Указ. соч.

Bibliography

1. Psychologists about Terrorism (round table), 1995. Psychological Magazine, 4: 37–48. (rus)
2. “Nord-Ost” – Psychological Portrait of Events. V. Levy Interview to “Nezavisimaya Gazeta”. URL: <http://psyfactor.org/terror6.htm>. (rus)
3. Olshansky, D.V., 2002. Psychology of Terrorism. Saint-Petersburg: published by Piter. (rus)
4. Wilkinson, P., 1997. The Media and Terrorism: A Reassessment. Terrorism and Political Violence, 9 (2): 51–64; Crelinsten, R., 2005. Mass-mediated terrorism: The central role of the media in terrorism and counterterrorism. Political Communication, 22 (1): 115–118.

5. *Bykhovets, Yu.V., 2007.* Idea of Terroristic Acts and Experience of Terrorist Threat by Inhabitants of Different Regions of the Russian Federation: abstract of PhD thesis in Psychology. (rus)
6. *Tkhostov, A.S. and K.G. Surnov, 2007.* Motivation of a Terrorist. National Psychological Magazine, 1 (2): 27–32. (rus)
7. *Druzhirov, S.A., 2013.* Conceptual Model of Professional Work as Psychological Determinant of Professionalism. Psychological researches, 6 (29): 4. (rus); *Platonov, K.K., 1986.* Structure and Personality Development. Moscow: published by Nauka. (rus)
8. *Fantalova, E.V., 2001.* Diagnostics and Psychotherapy of Internal Conflict. Samara: published by Bakhrakh-M. (rus)
9. *Izard, C., 1980.* Human Emotions. Moscow: published by Publishing house of Moscow University. (rus)
10. *Rubinshteyn, S.L., 1989.* Basics of General Psychology: in 2 vol. (vol. 2). (rus)
11. *Chesnokova, I.I., 1977.* Problem of Consciousness in Psychology. Moscow. (rus)
12. *Yanitsky, M.S., 2012.* Value Dimension of Mass Consciousness. Novosibirsk: Publishing house of Siberian Branch of the Russian Academy of Science. (rus)
13. *Myasishchev, V.N., 1995.* Psychology of Relations: selected psychological works. Moscow; Voronezh. (rus)
14. *Reshetnikov, M.M., 2004.* Sketches of a Psychological Portrait of a Terrorist. In: Reshetnikov, M.M. (Ed.). Psychology and Psychopathology of Terrorism. Saint-Petersburg: 341. (rus)
15. *Dzhaneryan, S.T., D.I. Gvozdeva and L.M. Vilkova, 2009.* Interpretational Model of Student Youth's Vision of Mass-media Image of a Terrorist: Steady and Changeable Elements. In: Counteraction of Ideology of Extremism and Terrorism in Terms of the State Youth Policy: Proceedings of Scientific and Practical Conference (pp. 57–62). Rostov-on-Don: Publishing house of Southern Federal University. (rus)
16. "Nord-Ost" – Psychological Portrait of Events.
17. *Izard, C.* Op. cit.
18. *Izard, C.* Op. cit.
19. *Izard, C.* Op. cit.
20. *Izard, C.* Op. cit.